

Часть первая. Агония империи

I. Пробуждение

Ужасная ночь Второй империи окутала Францию после декабрьского переворота; страна казалась мертвой. Но в эпохи, когда нации кажутся мертвыми, жизнь растет и крепнет в тишине. События перекликаются, как эхо; так струны своим дрожанием заставляют согласно дрожать другие струны.

За этой кажущейся смертью обычно следует могучее пробуждение; все вдруг в результате незаметной и медленной эволюции как-то сразу преображается.

Источник сил начинает бить из недр человечества. Люди группируются и действуют под влиянием этих сил так, что поступки кажутся опережающими самые стремления; события обгоняют друг друга; в этот час сердца закаляются, как сталь мечей в горниле.

Проносятся циклоны; небо и земля сливаются в сплошную ночь; как человеческие груди, волны хрипят и яростно хватают скалы белопенными своими когтями; кажется тогда, что живешь в глубине веков во власти разнузданных стихий.

Но нет, – в революционную пору все стремится к грядущему, все идет вперед...

Над миром пролетала свобода, и за границей раздавались громкие призывы к борьбе за обездоленных, и были эти голоса уже интернациональными.

При Бонапарте паутина полицейских заговоров начинает обнажать свои хитросплетения: удушение Римской республики, отвратительная подоплека китайской и мексиканской экспедиций, воспоминание о жертвах государственного переворота – все это следовало как тень за тем, кого Виктор Гюго назвал Наполеоном Малым. Он купался уже в крови по брюхо своей лошади.

Болотные испарения нищеты поднимались отовсюду, и не милостыне «Общества имени наследного принца» под силу было осушить это болото. Однако Париж платил крупные налоги в пользу этого общества и еще задолжал ему миллиона два.

Страх, окружавший веселье Елисейского дворца, традиции Первой империи, пресловутые семь миллионов голосов (вырванных путем застрашивания и подкупа) – все это окружало

как будто неприступной стеной Наполеона III.

А он, косоглазый, надеялся и дальше так царствовать, хотя стена давала уже трещины, пока через Седанскую брешь не хлынула наконец революция. Поистине, никто из нас не мог себе и представить, что могло бы сравниться с преступлениями империи!

По выражению Рошфора[3], то время и наше походят друг на друга как две капли крови. В то кошмарное время, как и сегодня, поэты воспевали эпопею будущей жизни и смерти: одни – в пламенных строфах, другие – с горькой усмешкой.

Как наши тогдашние песни были бы своевременны и теперь!..

Бросая властям в лицо обвинения в гнусности, в словах не стеснялись. Песня «Баденгетт»[4] вызвала глухую ярость императорской шайки...

Одним из веселых тюремных воспоминаний рисуется нам эта песенка, пропетая однажды вечером хором всеми узниками Версальской тюрьмы. Две коптилки освещали наши тела, распростертые на земле вдоль стен.

Для стороживших нас солдат империя и в 1871 году все еще была в силе. И они приходили в ярость, а вместе с тем и в ужас от нашего пения. Они угрожали, что нас строжайше накажут за оскорбление его величества императора.

Другой припев, популярный в массах в конце империи, тоже выводил из себя наших «победителей».

За пару су – пакет: Баденге и Баденгетт!.. Убеждение в прочности империи было еще столь велико в рядах версальской армии, что в приказе о моем предании суду, врученном мне в исправительном доме, я (как и многие другие, конечно) прочла следующее:

Вследствие отношения докладчика и заключений Императорского Комиссара касательно предания б-му военному суду и т. д.

Правительство не ломало себе головы над изменением формулы.

Долгое время возмущала нас терпеливая готовность масс к страданиям в последние мучительные годы правления Наполеона III. Мы, энтузиасты свободы, предугадывали ее ранее масс, и наше нетерпение было несравненно сильнее...

О, как давно уже хотелось нам вырвать окровавленное сердце из груди и бросить его в лицо императорскому чудовищу!

Как давно уже с холодной решительностью повторяли мы стихи из поэмы «Возмездие» Виктора Гюго:

Пора, пора пришла, Гармодий[5]: Спокойно можешь ты злодея поразить. У тирании была тогда всего одна голова. Нас обволакивала светлая греза о будущем, и виновник

декабрьского переворота казался нам единственным препятствием на пути к свободе.

II. Похороны Виктора Нуара

Тысяча восемьсот семидесятый год открывается трагически: Пьер Бонапарт[6] убивает Виктора Нуара[7] в своем доме в Отейле, куда тот отправился вместе с Ульриком де Фонвьелем как секунданта Паскаля Груссэ[8].

Это хладнокровное убийство довело до предела отвращение, внушаемое Бонапартами.

Как дрожит на арене бык, двигая кожей, утыканной копьями, так дрожали от бешенства массы.

На похоронах Виктора Нуара взрыв казался неминуем. Это убийство было одним из тех роковых событий, после которых падают самые крепкие тирании.

Почти все отправившиеся на похороны собирались вернуться домой уже при республике... или не возвращаться вовсе.

Вооружились всем, что могло пригодиться в бою, от револьвера до циркуля.

Казалось, что наконец чудовище империи будет схвачено за горло.

Что касается меня, у меня был с собой кинжал, украденный у дяди в то время, когда я бредила Гармодием. Я оделась мужчиной, чтобы никого не стеснять и не стесняться. Бланкисты[9] и большая часть революционеров, по крайней мере все монмартрские, были вооружены; в воздухе чувствовалось дыхание смерти, предвиделось близкое освобождение.

Империя стянула все свои силы; со времени декабрьского переворота не видели еще такого движения на улицах.

Шествие растянулось на далеком пространстве, сея вокруг себя своеобразный ужас: время от времени по толпе пробегали странные ощущения; несмотря на холод, глаза горели, как пламя. Казалось: мы – сила, против которой ничто не устоит; думали, что торжество республики обеспечено.

Но милый старый Делеклюз[10], сумевший через несколько месяцев умереть героем, вспомнил вдруг про декабрь и из опасения бесполезных жертв, которые могли исчисляться тысячами, уговорил Рошфора отказаться от мысли провожать тело в Париж и присоединиться к мнению тех, которые хотели нести его прямо на кладбище. Кто может сказать, бесполезны ли были бы жертвы? Все считали, что империя начнет нападение, и держались наготове.

Часть делегатов синдикальных камер стояла за то, чтобы нести останки в столицу и идти к конторе «Марсельезы»; другие высказывались за то, чтобы следовать прямо на кладбище.

Луи Нуар, про которого думали, что он полон жажды мести за убитого, решил вопрос, заявив, что он не желал бы для брата кровавых похорон.

Однако те, кто хотел нести тело в Париж, не уступали.

Разногласия дошли до того, что был момент, когда по толпе проходила зыбь: человеческие волны готовы были ударить одна о другую. Между ними образовывалось уже пустое пространство...

Опустив голову, мы возвращались... все еще в империю, не в республику. Некоторые даже собирались покончить с собой, но раздумали: они поняли, что чем больше преступлений совершит империя, тем сильнее будет и общее стремление к освобождению.

Один из поводов к этому, и притом превосходный, был, правда, упущен, но в конце концов восторжествовало мнение, что единственным результатом такой отчаянной попытки восстания было бы его подавление, ибо империя успела мобилизовать все свои силы.

Варлен[11], не менее храбрый, чем Делеклюз, писал из тюрьмы, что если бы сражение было дано в тот день, самые горячие солдаты революции погибли бы. Он поздравлял Рошфора и Делеклюза с тем, что они присоединились к этому взгляду.

Пьер Бонапарт был предан суду в июне 1870 года в Туре. Суд был чистейшей комедией, и приговор – уплата смехотворного штрафа 25 тысяч франков для обеспечения семьи Виктора Нуара – еще более усилил всеобщее возмущение, вызванное преступлением...

III. Война. – Официальные телеграммы

Наполеон III, 2 декабря проделавший свое «18 брюмера»[12], желал иметь и свой Аустерлиц[13]: вот почему с самого начала все поражения назывались победами.

Тогда все, подвергавшиеся избиениям за то, что бесстрашно зывали к миру; все те, кто писал: «Поход на Берлин – это не военная прогулка», поднялись, как один человек, не желая допустить вторжения.

Народное сочувствие было с ними, под официальными вымыслами угадывали правду, которая впоследствии выплыла на свет при опубликовании правительственных телеграмм.

Официальное следствие о войне 1870–1871 годов осветило истину, правда, неофициально известную и раньше.

Вот какие сведения посылались из восточных департаментов в военное министерство, которое уверяло, что в армии нет недостатка ни в чем, вплоть до пуговиц на гетрах, и что все дешево:

Мец, 19 июля 1870 г.

– Генерал де Файи доносит, что 17 батальонов его корпуса прибыли. Тут же передаю его депешу крайне срочного характера.

– Запасов никаких, в казначействах нет денег, так же как и в корпусах; жду звонкой монеты. Нуждаемся во всем и во всех отношениях. Пришлите несколько повозок для штабов, здесь их нет вовсе. Пришлите также походные кухни.

Двадцатого июля генеральный интендант Блондо, заведующий хозяйственно-административной частью военного министерства, писал в Париж:

Мец, 20 июля 1870 г., 9 ч. 50 м. утра

– В Меце нет ни сахара, ни кофе, ни риса, ни водки, ни соли; мало сала и сухарей. Спешно вышлите по крайней мере миллион пайков в Тионвилль.

Генерал Дюкро в тот же день писал военному министерству:

Страсбург, 20 июля 1870 г., 7 ч. 30 м. веч.

– Завтра останется едва полсотни людей для защиты крепости Неф-Бриссак и форта Мортье. Птит-Пьер и Лешлямбер тоже оставлены без гарнизона: это следствие приказаний, отданных нам. Кажется, можно положительно утверждать, что пруссаки уже владеют всеми проходами Черного Леса.

В самом начале августа количество защитников на границах не превышало 220 000 человек.

Мобильная гвардия, которой до сих пор пользовались только при усмирении мятежников и которая в мирное время существовала лишь в ведомостях военного министерства, была теперь приведена в боевую готовность.

Вдруг до Парижа долетело – неизвестно, каким путем – известие, что какой-то генерал не мог найти своих войск. Подобной шутке никто не верил. Однако, читая следующие строки в официальном следствии о войне 1870 года, приходится признать, что дело было именно так:

Генерал Мишель – Военному министерству в Париже

– Приехал в Бельфор, не нашел своей бригады, не нашел начальника дивизии. Что мне делать? Не знаю, где мои полки.

Согласно тем же официальным депешам, запасы, срочно вытребованные генералом Блондо 20 июля, не прибыли в Тионвилль еще 24-го, как об этом свидетельствует донесение командира 4-го корпуса Главному штабу в Париж:

Тионвилль, 24 июля 1870 г., 9 ч. 12 м. утра

– У 4-го корпуса нет до сих пор ни кухонь, ни лазаретов, ни повозок для штабов и войск; все в полном расстройстве.

Невероятная «забывчивость» продолжается.

Интендант 3-го корпуса – Военному министерству

Мец, 24 июля 1870 г., 7 ч. вечера

– 3-й корпус выступает завтра, а у меня нет ни лазаретных, ни хозяйственных служащих, ни походных коек, ни сена для лошадей, ни обоза, ни весовых инструментов, а в 4-й кавалерийской дивизии – даже ни одного интендантского чиновника.

Серия таких депеш продолжается без перерыва – весь июль и август. Что это: роковое стечение обстоятельств, растерянность, неосведомленность? Телеграммы говорят о вопиющей халатности:

Помощник интенданта 6-й дивизии по продовольственному снабжению – Военному министерству, Париж

Мезьер, 25 июля 1870 г., 9 ч. 20 м. утра

– В Мезьере сейчас нет ни сухарей, ни солонины.

Начальник артиллерийского парка 3-го корпуса – начальнику артиллерии, Военное министерство, Париж

– Снаряды для орудий не прибывают.

Начальник штаба – Военному министерству, Париж

Мец, 27 июля 1870 г., 1 1/4 ч. ночи

– Войска продолжают прибывать без патронов и палаток.

Начальник штаба – Военному министерству, Париж

Мец, 29 июля 1870 г., 5 ч. 60 м. утра

– Нет сухарей, чтобы двигаться вперед.

Маршал Базен – генералу Ладмиро, в Тионвилль

Буле, 30 июля 1870 г.

– Вы должны были получить бюллетень за № 5, в котором вам сообщалось о больших передвижениях войск по направлению к Саоре и о прибытии прусского короля в Кобленц. Вчера я видел императора в Сен-Клу. Ничего еще не решено относительно операций, которые должна будет предпринять французская армия.

Кажется, склоняются к наступательным действиям 3-го корпуса.

Как раз в это время Руер[14] говорил своему повелителю:

– Благодаря вашим заботам, государь, Франция готова.

Не прошло и дня, как почувствовали, что ничего не готово: не готово и десятой части того, что требовалось.

Пока шел обмен этими секретными, конечно, депешами, горсточка людей, рассыпанных на всем протяжении границ, отступала перед полчищами Вильгельма.

Сорок пруссаков, следуя по берегам Лаутера, встретили там слабые отряды и быстро рассеяли их; это была дивизия генерала Дуэ.

Во Фрешвиллере Мак-Магон[15], опираясь, с одной стороны, на Рейхсгофен, а с другой – на Эльзангаузен, спокойно дожидался генерала Файи, который не приходил, не замечая, что маленькими группами пруссаки мало-помалу собираются в долине. (Это была армия Фридриха Прусского.) Когда их набралось до 100 тыс. с 400 орудиями, они перешли в наступление, обрушившись сразу на оба крыла французов.

Так был захвачен Мак-Магон с его 40 тыс. корпусом; тогда, как и некогда, пожертвовали собой кирасиры; это дело вошло в историю под именем рейхсгофенской атаки.

В тот же день имело место поражение Второго корпуса при Форбахе.

Разгром шел быстро.

Депеши следовали друг за другом, все более и более печальные.

Помощник начальника дивизии – начальнику дивизии в Меце Верден, 7 августа 1870 г., 5 ч. 45 м. вечера

– В Вердене недостает продовольствия: вина, водки, сахара, кофе, сала, сухих овощей и свежей говядины; просьба спешно снабдить оружием 4000 человек мобильной гвардии.

Но посылать было нечего, как показывает следующая телеграмма:

Интендант 6-го корпуса – Военному министерству,

Париж

Шалонский лагерь, 8 августа 1870 г., 10 ч. 52 м. утра

– Получил от главного интенданта Рейнской армии просьбу о 500 000 походных пайков.

У меня совершенно нет сухарей и других продуктов, за исключением сахара и кофе.

Рассказ генерала Фроссара не оставляет никакого сомнения в бедственном для нас положении вещей:

«Общее число наших войск достигало вначале едва 200 000 человек; по приходе различных частей оно могло быть доведено до 250 000, но никогда не превосходило этой цифры. Генеральный штаб насчитывал к 1 августа 1870 г. 243 171 человека».

“ «Организация материальной стороны была явно недостаточна; командующие корпусами не имели понятия об общем плане кампании. Мы знали только, что встретимся с германскими силами, равными приблизительно 250 000, и что в весьма короткий промежуток времени число это может быть удвоено».

В книге подполковника Прево «Французские крепости в войну 1870 г.» читаем не менее убийственное показание:

“ «Когда Пруссии была объявлена война, ни в одном из городов, расположенных вокруг немецкой границы, не было подходящего вооружения – в особенности же не хватало лафетов; нарезные стволы и новые орудия были там редкостью; так же обстояло дело с боевыми припасами и провиантом и со всякого рода снабжением».

В трудах генерала Паликао[16] находим такое письмо одного из высших офицеров:

Прибыв в Страсбург (тому около 12 дней), я был поражен слабостью военной администрации и артиллерии. Вы, вероятно, не поверите, что в Страсбурге, этом крупнейшем арсенале на восточной границе, невозможно было найти штыков, круглых щитков и коробок для ружей.

Первое, что говорили все батарейные командиры, это: надо беречь снаряды, потому что их нет.

Действительно, в сражении 7 августа батареи митральез и другие должны были надолго оставить поле сражения и отправиться за снарядами в резервный парк, который сам был весьма скудно снабжен.

6-го, когда был отдан приказ взорвать мост, во всем корпусе – ни в его саперных, ни в артиллерийских частях – не нашлось лишнего пороха.

Пруссаки вошли во Францию одновременно через Нанси, Туль и Люневиль.

Фридрих шел на Париж, преследуя Мак-Магона, а последний, недалекий и упрямый, не мог придумать ничего лучшего, как молиться Реймской Божьей Матери; или, быть может, в трогательном согласии с Евгенией, которая называла этот злосчастный ряд поражений

«своей войной», он молился какой-нибудь андалузской Мадонне[17].

Молодой Бонапарт, которого мы называли «маленьким Баденге», а старые «кожаные штаны» заранее величали Наполеоном IV, забавлялся тем, что после сражений подбирал на полях пули, в возрасте, в котором столько детей-героев сражались в майские дни как взрослые.

Смешное примешивалось к трагическому.

IV. Ля-Виллетское дело. – Седан

Только республика могла спасти Францию от гибели, смыть с нее позор двадцати лет империи, открыть настежь двери к будущему – двери, заваленные грудой трупов.

В Монмартре, Бельвиле, в Латинском квартале революционеры – и больше всех бланкисты – призывали к оружию.

Военные поражения были всем известны, хотя правительство признавалось только в одном – в неудаче кирасирской атаки.

Все знали, что четыре тысячи трупов и несколько тысяч пленных – это все, что осталось от корпуса Фросара.

Знали, что пруссаки утвердились на французской территории. Но чем ужаснее было положение, тем больше росла вера. Республика залечит все раны, вдохнет мужество в сердца.

Республика! Недостаточно жить для нее, за нее хочется умереть.

Вот при каком состоянии умов произошло ля-виллетское дело 14 августа 1870 года.

Бланкисты надеялись, что им удастся провозгласить Республику еще раньше, чем рухнет прогнившее здание империи.

Для этого надо было иметь оружие, а так как его было недостаточно, то решено было начать с взятия казармы пожарных, помещавшейся на бульваре Ля-Виллет № 141, кажется; там можно было бы раздобыть оружие.

В казарме было много хорошо вооруженных людей, но полиция, неизвестно кем предупрежденная, напала на революционеров. Подкрепления, прибывшие с Монмартра, увы, слишком поздно, увидели на пустом бульваре, где с шумом захлопывались ставни, карету, в которую бросили арестованных Эда[18] и Бридо[19], окруженных шпиками и глупцами, которые кричали им вслед:

– К пруссакам!

И на этот раз все было кончено, но случай должен был представиться вновь.

Шестнадцатого августа род частичного успеха, достигнутого Базеном в Борни, был намеренно раздут правительством для успокоения доверчивого населения, между тем как он, по-видимому, только еще более замедлил продвижение французской армии.

Бои при Гравелотте, Розенвилле, Вионвилле и Марс-ля-Туре были последними сражениями до соединения двух прусских армий, которые окружили французскую полукольцом.

Скоро круг должен был замкнуться. Правительство продолжало сообщать о победах.

Этот шум «побед» способствовал скорейшему осуждению на смерть Эда и Бридо. Даже некоторые радикалы называли ля-виллетских героев бандитами. Так, Гамбетта[20] потребовал немедленной расправы с ними – без суда. Ля-виллетский заговор был в течение некоторого времени очередным пугалом для буржуазии.

Однако революционеры не были одиноки в своей правильной оценке положения вещей и людей.

Даже в самой армии было несколько офицеров-республиканцев. Один из них, Натаниель Россель[21], написал отцу (того же 14 августа, когда была сделана попытка провозгласить Республику в Париже) следующее сохранившееся в его посмертных бумагах письмо:

С начала войны у меня было много довольно странных приключений, но – любопытная вещь – меня ни разу не посылали на линию огня. Если я иногда и отправлялся туда, то лишь по собственному желанию; вообще я мало подвергался опасности.

В Меце я не замедлил убедиться в бездарности наших начальников, генералов, штабных, неизлечимой бездарности, открыто признанной всей армией, а так как я привык доводить свои выводы до конца, то еще до 14 августа я стал подумывать о том, как бы прогнать всю эту шайку.

Я придумал для этого способ, который казался мне неплохим. Помню, мы прогуливались как-то вечером, я и мой товарищ Х., благородный и решительный человек, вполне разделявший мой образ мыслей, мимо шумных отелей улицы Клерков, где с утра до вечера толпились экипажи, верховые лошади, сновали интенданты в расшитых мундирах – словом, блистал вызывающе нарядный и оживленный штаб. Мы осмотрели все входы и выходы, расположение дверей, думая о том, как легко было бы с полусотней решительных людей захватить этих молодчиков... И вот мы стали искать этих пятьдесят человек, но не могли найти и десятка...[22]

Замечательная вещь! В то самое время, когда деспоты завершают свое гнусное дело, люди, совершенно незнакомые друг другу, мечтают почти одновременно: одни о том, чтобы провозгласить Республику-освободительницу, другие – о том, чтобы избавить армию от наглого и развратного офицерства императорских штабов.

Между тем депеши громко трубили о победах (на деле это были поражения), и Эд и Бридо были бы, конечно, без всяких проволочек казнены, если бы этому не помешало письмо Мишле[23], покрытое тысячами подписей – протестов против задуманного преступления.

Какой-то ураган трусости охватил Париж в эти последние дни агонии империи; дело дошло до того, что некоторые лица, давшие охотно свою подпись, изъявляли желание снять ее, говоря, что они не хотят рисковать своей головой.

Так как дело касалось головы наших друзей, Эда и Бридо, то должна сознаться, что я не сняла ни одной из подписей с тех листов, которые были у меня на руках.

Нам троим – Адели Эскирос, Андрэ Лео[24] и мне – поручено было отнести объемистую петицию парижскому губернатору, генералу Трошю[25].

Нелегко было к нему проникнуть, но рассчитывали на женскую смелость, и, надо сказать, рассчитывали с полным правом.

Чем больше уверяли нас, что проникнуть к губернатору нельзя, тем настойчивее становились мы.

Мы почти силой ворвались в приемную, уставленную скамейками вдоль стен.

Среди комнаты мы увидели столик, заваленный бумагами. Тут-то посетители обыкновенно ожидали губернатора; мы были одни.

Нас хотели вежливо выпроводить, но мы, усевшись на одной из скамеек, заявили, что мы пришли от имени парижского народа для передачи в собственные руки генерала Трошю бумаг, о содержании которых он должен быть поставлен в известность.

Слова «от имени народа» произвели известное впечатление; нас не посмели выгнать, но с изысканной учтивостью стали предлагать положить нашу петицию на стол; однако добиться этого от нас было невозможно.

Тогда один из присутствующих вышел и возвратился с каким-то человеком, которого назвал секретарем Трошю.

Последний вступил с нами в переговоры, заявив, что в отсутствие Трошю он уполномочен принимать все адресованное генералу; он согласился расписаться в получении адреса, который мы ему вручили, после того как убедились, что нас не обманывают.

Секретарь, казалось, не был несколько возмущен нашим ходатайством и находил вполне естественными все принятые нами меры предосторожности.

События не ждали и, несмотря на уверения секретаря, что парижский губернатор питает величайшее уважение к воле народа, мы жили в постоянном страхе и опасении услышать вдруг, что казнь приведена в исполнение в какой-нибудь момент приступа правительственного бешенства.

Так как по течению Мааса спускались немцы, то французская армия расположилась у Седана. По этому поводу в официальном рапорте генерала Дюкро – того самого, который должен был «вернуться или мертвым, или победителем», однако не вернулся ни тем, ни другим – читаем следующее:

Крепость Седан имела свое стратегическое значение, ибо, соединяясь со всеми другими нашими позициями через Мезьер и разветвления Гюзона, служила единственным коммуникационным пунктом для снабжения армии, действующей на север от Меца; между тем она была очень слабо защищена, не имела ни провианта, ни снарядов, ни вообще каких-либо запасов; у некоторых орудий было по 30 снарядов, у других – по 6, а большинство совсем не имело банников.

Первого сентября французы были окружены здесь и истолчены, как в ступке, германской артиллерией, занявшей высоты.

С нашей стороны пали два генерала: Трейяр (убит) и Маргерит (смертельно ранен).

Тогда Боффресон по приказанию Дюкро бросил все свои дивизии против прусской армии. Тут были полки: 1-й гусарский и 6-й стрелковый – из бригады Тильяра; 1-й, 2-й и 4-й полки африканских стрелков – из бригады Маргерита.

Эта Седанская атака была ужасна и вместе с тем героически прекрасна.

Зрелище было столь величественно, что сам старый Вильгельм воскликнул:

– Какие храбрецы!

Резня была такая, что город и поля были усеяны трупами.

В этом море крови французский и германский императоры могли вволю утолить свою жажду.

Второго сентября в вечернем тумане армия-победительница, расположившись на высотах, пела хвалебные гимны богу войны, к которому в то же самое время взывали и Бонапарт с Трошю.

Мелодические голоса немцев звучали так мечтательно, так сентиментально над обагренными кровью полями.

Наполеон III не нашел в себе мужества отчаяния: он и с ним более чем 80-тысячная армия сдались в плен. Он сдал все свое оружие, знамена, 100 тысяч лошадей, 650 орудий.

Империя рухнула и была погребена так глубоко, что о возрождении ее не могло быть и речи.

Герой декабря, кончив Седаном, увлек за собой в пропасть всю свою династию.

От империи остался только пепел легенд.

Седанских пленников увели в Германию.

Шесть месяцев спустя комиссия по ассенизации полей сражения приказала разрыть ямы, куда в спешке грудami бросались трупы. Их облили смолой и, обложив ветвями лиственниц, подожгли.

Затем, чтобы уничтожить все следы, посыпали место пожарища известью.

В тот год негашеная известь была великой пожирательницей людей.

Версия #1

Зверобой создал 29 мая 2025 07:46:10

Зверобой обновил 29 мая 2025 07:49:32